
А. Ю. Бердникова¹

Антиномии и парадоксы Владимира Ильина

Приложение: *В. Н. Ильин*. Нуль, точка и монада.
Экскурсе I к «Статике и динамике чистой формы»
(«Морфология устойчивого процесса») [1953]

«Я тяжело страдал — и теперь страдаю от того, что в качестве художника я влекся всегда к чувственным конкретностям, к образам и звукам, и был заклятым врагом книжности и интеллигентства, хотел быть и был в молодости босоногим Лелем и “ковбоем”... но в качестве ученого и мыслителя неудержимо стремился к схематизму понятий, к отвлеченной мысли, очень любил чистую математику и гносеологию — и стремился основать самую чистую из всех философских наук, холодную, как межпланетное пространство, “общую морфологию”, и всю свою жизнь просидел над книгами в пыли библиотек, выражаясь на таком заумно специальном языке, что стал непонятен даже самым искушенным в этом деле читателям».

В. Н. Ильин. Пережитое²

Философия Владимира Николаевича Ильина (1890–1974), — мыслителя русской эмиграции, публициста, критика, бо-

---

¹ Александра Юрьевна Бердникова — научный сотрудник сектора истории русской философии Института философии РАН.

² *В. Н. Ильин. Пережитое* / Предисловие, подготовка текста и комментарии Е. В. Бронниковой и О. Т. Ермишина // Ежегодник Дома русского зарубежья — 2014/2015. Вып. 5. М., 2015. С. 463.

гослова, музыковеда, большую часть своего жизненного и творческого пути проведшего во Франции, но оказавшегося, по меткому замечанию А. П. Козырева, «на периферии и без того периферийной эмигрантской культуры»³, до сих пор представляет собой явление загадочное и не до конца изученное. Несмотря на то, что фигура этого русского философа отнюдь не является «забытой» современными исследователями⁴, замысел его оригинальной философской системы, которую он сам именовал «морфологией», «морфологической логикой» или «всеобщей иконологией бытия» (от греч. εἰκών — образ, вид) и небезосновательно считал «делом всей своей жизни», до конца восстановить еще не удалось. Во многом причиной тому явился факт, указанный выше: пребывая в творческой «опале», «концлагере на воле», Ильин многие свои труды попросту «писал в стол», без надежды на публикацию. О масштабах этого «скрытого от посторонних глаз» при жизни мыслителя и перекочевавшего после его смерти в архив пласта творчества можно судить и по тому, насколько часто ему приходилось в статьях прибегать к самоцитированию и ссылкам на свои же собственные неопубликованные работы.

Представленный ниже текст, озаглавленный автором как «Экскурс I к “Статике и динамике чистой формы”. Нуль, точка и монада», предположительно был написан им

---

³ А. П. Козырев. В тени Парнаса и Афона // В. Н. Ильин. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 3.

⁴ С начала 90-х годов XX века и по сей день (особенно с момента передачи архива В. Н. Ильина в 2005 году в Библиотеку-фонд «Русское зарубежье» имени А. И. Солженицына) было опубликовано немало произведений самого философа (сборники «Эссе о русской культуре» (1997), «Арфа Давида. Религиозно-философские мотивы русской литературы» (2009), «Пожар миров: Избранные статьи из журнала “Возрождение”» (2010)), «Вавилон и Иерусалим. Демоническое и святое в литературе» (2011)) и работ о нем (статьи А. П. Козырева, Е. О. Розовой, А. Ф. Гусакова, А. А. Ермичёва, О. Т. Ермишина, Е. В. Бронниковой, К. Г. Исупова и др.; диссертации А. Ф. Гусакова, Е. О. Розовой).

в 1953 году, в какой-то мере репрезентируя эту огромную «теневую» сторону творчества мыслителя и являясь органической частью его «морфологического цикла»⁵.

Первый замысел морфологии появляется у Ильина уже в 1925 году в работе «Два закона. Сущее и должное. Опыт конструктивной критики формально-расчленяющего мышления»⁶. К середине 40-х годов этот замысел обретает

⁵ Из «морфологического цикла» работ В. Н. Ильина на данный момент в архиве БФРЗ имени А. И. Солженицына находятся: два тома «Статики и динамики чистой формы» («Основы философии формы и ценности» (Берлин, 1925), «Сущее и должное. Два закона. Опыт конструктивной критики формально-расчленяющего мышления» (Париж, 1926)); «Основные тезисы общей морфологии или иконологии бытия, или, что то же, основные тезисы качественной иконологической онтологии»; «Освальд Шпенглер — основатель морфологической схемы в применении к историческим объектам и Арнольд Тойнби — противник этой схемы. К тридцатилетней годовщине со дня смерти Освальда Шпенглера (1860-1936)»; «Сущность морфологического метода. Современный переворот в области точной науки и необходимость новой методологии»; «Диалектика сознания и его амартология как введение в статику и динамику чистой формы» и т.д. (Об этом более подробно см.: А. Ф. Гусакова. Морфология в философии В. Н. Ильина. Дисс. ... канд. филос. наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2008. С. 7). К сожалению, полной описи архивных материалов фонда В. Н. Ильина на данный момент не существует. К опубликованным работам В. Н. Ильина по данной тематике относятся: В. Н. Ильин. Лейбниц и русская философия (К 250-летию со дня смерти великого ученого) // Возрождение. Ноябрь 1966. № 179. С. 70–83; Декабрь 1966. № 180. С. 49–68. (См. также: В. Н. Ильин. Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение». / Сост. и вступит. ст. А. П. Козырева. М., 2010. С. 54–94); В. Н. Ильин. О бытии души, о ее бессмертии и свободе. Нуль, точка и монада // Возрождение. Февраль 1967. № 182. С. 76–88 (Там же. С. 94–110); В. Н. Ильин. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии / Публ. В. Н. Ильиной, А. П. Козырева. Подгот. текста и примеч. А. П. Козырева // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 91–136; В. Н. Ильин. Основная проблема теории познания / Подгот. текста и примеч. А. Ф. Гусакова // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 123–135 и т.д.

⁶ Главы из текста этой работы были опубликованы в качестве приложения к диссертационному исследованию А. Ф. Гусакова. См.: В. Н. Ильин. Главы из текста «Два закона, Сущее и должное, Опыт конструктив-

четкий структурный и содержательный план, главной частью которого становится работа «Статика и динамика чистой формы» (фактически написанная в 1954 году⁷; статья под названием «Ноль, точка и монада» вышла в парижском журнале «Возрождение» в феврале 1967 года).

Выделить основные источники философской системы В. Н. Ильина представляется задачей весьма сложной по ряду причин⁸. Во-первых, потому, что очень многие материалы до сих пор не опубликованы и хранятся в архиве мыслителя; во-вторых, потому, что в качестве таких источников можно справедливо рассматривать всю историческую традицию европейской науки и философии от Античности до начала XX века. Обращаясь к учениям своих «предшественников», Ильин хотел с одной стороны, «примирить» между собой идеи Платона и Аристотеля, Гераклита и Парменида, Лейбница и Декарта, Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова, делая при этом исключение лишь для материализма, эмпиризма и марксизма, представителей которых он считал «ответственными», выражаясь словами Андрея Белого, за «кризис мысли» и «кризис жизни» рубежа XIX–XX веков. С другой стороны, в своей философии он хотел «шагнуть дальше» мыслителей прошлого, создать систему универсального морфологического синтеза, объединив в ней все противоречия и убрав недоска-

---

ной критики формально-расчленяющего мышления» // А. Ф. Гусаков. Морфология в философии В. Н. Ильина. С. 149–170.

⁷ Об этом мы можем судить из письма Ильина С. Н. Булгакову от 16 декабря 1942 г., в котором, помимо прочего, он представил программу своих запланированных «софиологических и научно-философско-софиологических» трудов. Первым пунктом в этой программе как раз значилась «Статика и динамика чистой формы», — «в двух частях, с важным введением», в котором «будет поставлена также проблема софиологической точки зрения» (А. П. Козырев. Исав, восставший на Иакова // В. Н. Ильин. Пожар миров. С. 20).

⁸ Более подробно об этом см.: А. Ф. Гусаков. Морфология в философии В. Н. Ильина.

занности их учений. Но все же из всей палитры источников своей морфологии особым образом Ильин выделял три: учение Платона об эйдосах, Аристотеля об энтелехиях и Лейбница о монадах. Самого себя Ильин считал «в главном обязанным Лейбницу и о. Павлу Флоренскому»⁹, ставя свои идеи таким образом в отношении прямой и непосредственной преемственности с движением *русского неолейбницианства* или *метафизического персонализма*, понимаемого им в *расширительном смысле* (наравне с Н. В. Бугаевым, Н. О. Лосским, А. А. Козловым, Л. М. Лопатиным и др. Ильин относил к этому направлению, к примеру, А. Ф. Лосева и К. Ф. Жакова¹⁰). И, хотя Ильин и писал об «исключительном влиянии»¹¹ Лейбница на всю русскую мысль, русское лейбницианство при этом (равным образом, как, например, немецкое неокантианство или феноменология Гуссерля) рассматривалось им лишь в качестве важного пролога к собственной морфологической системе.

Важным, в какой-то степени даже ключевым моментом на пути создания универсального морфологического синтеза (который он также считал «правильным вариантом» гегелевской диалектики¹²) для Ильина выступило учение П. А. Флоренского о фундаментальных *антиномиях* тварного бытия¹³. Интересно, что Ильин, как и Флоренский, жестко критиковал «трансцендентальную диалектику» Канта, называя ее «самым существенным препятствием на путях к творчеству, к свободе и к вещам в себе и более всего, — ... на путях к эоническому мышлению и мирочувствию благо-

⁹ В. Н. Ильин. Лейбниц и русская философия. К 250-летию со дня кончины великого ученого // В. Н. Ильин. Пожар миров. С. 61.

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ Там же. С. 72–73.

¹² В. Н. Ильин. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 131.

¹³ См.: В. Н. Ильин. Отец Павел Флоренский. Замолчанное великое чудо науки XX века // В. Н. Ильин. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 362–384.

детельной, творческой катастрофы»¹⁴, но при этом признавая заслуги кенигсбергского философа в самом выведении понятия «антиномия чистого разума»¹⁵. Все три «Критики» Канта Ильин называл «первыми опытами морфологической философии», раскрывающими антиномический принцип сущего, в котором одновременно «все течет» и все «неподвижно». Таким образом, Ильин полагал, что философия Канта «примирает» между собой «антиномические» идеи Гераклита и Парменида¹⁶.

С другой стороны, главным проявлением «ограниченности» кантианского рассудка в формальной логике (или «логике отмены чуда»¹⁷) Ильин считал принцип «исключенного третьего», противопоставляя ему закон о «*tertium datur*»¹⁸ собственной, морфологической логики, или морфологического *вариационизма*, преодолевающего противоречия антиномий, но сохраняющего их неповторимое единство. Истоки закона о «данном третьем» он видел в представлениях Флоренского о Софии, «закрывающей» «трещины тварного мира», а также в софиологии Булгакова и учении о творчестве и свободе Н. А. Бердяева.

Кроме антиномий, понимаемых в духе философии Канта и Флоренского, примером и основанием вариационной морфологии Ильин считал *парадоксы*, обращаясь, в частности, к парадоксам Зенона, наглядно демонстрирующим

¹⁴ Там же. С. 125.

¹⁵ Ср.: «В истории плоского и скучного мышления “новой философии” Кант имел дерзновение выговорить великое слово “антиномия”, нарушившее приличие единства. За это одно заслуживал бы он вечной славы. Нет нужды, если собственные его антиномии неудачны; дело — в переживании антиномичности» (П. А. Флоренский. Столп и утверждение Истины // П. А. Флоренский. Соч. в 2 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1990. С. 159).

¹⁶ См.: А. Ф. Гусаков. Морфология В. Н. Ильина // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 120.

¹⁷ В. Н. Ильин. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 128.

¹⁸ Там же. С. 117.

дуализм статики и динамики, покоя и движения, свободы и ограниченности чистых форм: «Гениальность учения Зенона Элейца о движении как раз и заключается в том, что движение невозможно “в данных пределах”, т.е. как “отход”, “отпадение” от чего-то и как “достижение чего-то”. Если же оно, по Гераклиту, и объемлет “все” и “все движется”, “все течет”, то это означает лишь вечное состояние не совершенства, вечную экзистенцию без эссенции, вернее экзистенцию, т.е. состояние, не имеющее иного “основания”, иной “сущности”, кроме самого себя»¹⁹.

Ключевым понятием в морфологии Ильина была *форма*, в своей *формуле* продуктивным образом объединяющая все антиномии: пространства и времени, движения и покоя, статики и динамики, света и тьмы, эссенции и экзистенции, микрокосма и макрокосма, части и целого, интенсивности (тензора) и экстенсивности (лаксатора)²⁰, вот-бытия (Dasein) и так-бытия (Sosein), предельного (πέρας) и беспредельного (ἄλειρον), внутреннего (эндоформы) и внешнего (экзоформы), личностного и «всеединого» бытия. Таким образом, форма в философии Ильина словно постоянно «балансирует» между хаосом, аморфностью, мэоном (μέδον), бездной и безосновностью (Ungrund — в философии Я. Бёме и Н. А. Бердяева) и «ограниченностью» монад Лейбница, полностью лишенных «окон и дверей», через которые «что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти»²¹. В то же время Ильин подчеркивал важность учения Лейбница об «аппетите» или «аппетициях» монад, т.е. об их вечном *стремлении* к новым восприятиям (перцепциям), благодаря

¹⁹ В. И. Ильин. Статика и динамика чистой формы... С. 124–125.

²⁰ Тензор — внутрь себя направленная, против себя направленная интенсивная сила; Лаксатор — вовне от себя направленная и с собой несогласная — экстенсивная сила или то, что было силой (Там же. С. 130).

²¹ Г. В. Лейбниц. Монология / Пер. с нем. Е. А. Боброва // Г. В. Лейбниц. Сочинения в четырех томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов, М., 1982, С. 412–413.

которому они никогда и ни при каких условиях не остаются в состоянии покоя²².

Говоря кратко, «формула» формы в учении Ильина состоит из трех основных элементов: пространственного *нуля*, математической *точки* и метафизической *монады*. В аксиологии ей соответствует понятие универсальной ценности-*нормы*, примеры чего можно найти в философии Р. Г. Лотце, Баденской школы неокантианства и Э. Кассирера. В области гносеологии форма становится «мыслящей себя мыслью» и являет себя в единстве «этовости» (*haeccitas*) и «чевойности» (*quidditas*) сознания. Главными «ориентирами» Ильина в теории познания и методологии науки были при этом интуитивистские воззрения А. Бергсона и Н. О. Лосского, феноменология Э. Гуссерля, а также учения М. Хайдеггера и австрийского психолога А. Мейнонга (в системе которого представление о *Dasein* дополняется идеями о «так-бытии» (*Sosein*) и «лишенных существования объектах» (*daseinfrei Objekte*))²³.

Парадоксы и антиномии занимали столь важное место в философской системе Ильина неспроста: создается впечатление, что по всей его творческой и жизненной биографии, начиная с раннего детства, тоже пролегла «фундаментальная трещина бытия».

Детство В. Н. Ильина прошло в двух имениях — Владовка Радомысльского уезда Киевской губернии, затем — Ивань Слуцкого уезда Минской губернии²⁴. Здесь он, по собственным воспоминаниям (детству и юности мыслителя посвящена первая часть его мемуаров под названием «Пережи-

²² См.: В. Н. Ильин. О бытии души, о ее бессмертии и свободе. Нуль, точка и монада // В. Н. Ильин. Пожар миров: Избранные статьи из журнала «Возрождение» / Сост. и вступит. ст. А. П. Козырева. М., 2010. С. 98.

²³ Подробнее об этом см.: В. Н. Ильин. Основная проблема теории познания // Вопросы философии. 2009. № 7. С. 123–134.

²⁴ См.: В. Н. Ильин. Краткое жизнеописание Владимира Николаевича Ильина, магистра философии и доктора богословия // Вопросы философии. 1996. № 11. С. 77–90.

тое»), рос в атмосфере классического «дворянского гнезда», окруженный, с одной стороны, родственниками и «сельской интеллигенцией» той поры, с другой же — простыми незнатными людьми, общению с которыми он был искренне рад затем на протяжении многих лет: «Пожатием черной руки кочегара я больше горжусь, чем поощрением профессора и артиста, и симпатия машиниста мне была так же дорога, как симпатия красивой девушки... Меня даже в гимназии товарищи, и не подозревавшие о раздиравших меня творческих противоречиях, прозвали “Ильин-Паровоз”...»²⁵.

Но Октябрьская революция 1917 г. раз и навсегда разрушила эту «идиллию» старопомещичьего быта. К тому моменту Ильин уже успел окончить киевский Императорский университет им. Св. Владимира сразу по двум отделениям (физико-математическому — в 1912 г. и историко-филологическому — в 1917 г.), параллельно отучившись в консерватории, и начать преподавательскую карьеру, готовясь к сдаче магистерских экзаменов. В 1919 году Ильин был вынужден эмигрировать через Одессу в Константинополь, так как на Родине, по его собственному признанию, он почувствовал «смертельную опасность по причине давнишней... борьбы с материалистической марксистской идеологией»²⁶.

И это было абсолютной правдой. Полное неприятие Революции и наступившего за ней советского режима, осознание невозможности вернуть прошлое, навсегда разрушенное большевиками, и самому вернуться домой, стали причинами всепоглощающей ненависти к советскому режиму, с которым Ильин так и не смог до конца примириться вплоть до своей смерти в 1974 году.

²⁵ В. Н. Ильин. Пережитое / Пред., подг. текста и комм. Е. В. Бронниковой и О. Т. Ермишина // Ежегодник Дома русского зарубежья — 2014/2015. Вып. 5. М., 2015. С. 472.

²⁶ В. Н. Ильин. Краткое жизнеописание Владимира Николаевича Ильина, магистра философии и доктора богословия. С. 77.

Образ революции в целом стал для Владимира Ильина символом общего кризиса эпохи, о котором уже было упомянуто ранее. «Наш мир “сломан” — по сильному выражению Киркегора и Габриэля Марселя»²⁷, — этим горьким признанием открывается «Статика и динамика чистой формы». Преодолеть фундаментальные «разломы» бытия, по мнению мыслителя, возможно лишь с помощью «целостного научно-философского метода». Таким «универсальным» методом для Ильина, безусловно, была его собственная морфологическая система, помимо всего прочего выступавшая и как противовес диалектического материализма, являясь «подлинной» материалистической диалектикой, или *материологией* бытия.

Находясь в эмиграции, Ильин получил богословское образование, окончив в 1925 г. теологический факультет Берлинского университета, и, будучи уже автором многих работ по богословию («О преп. Серафиме Саровском», «О духе русского благочестия» и т. д.), был принят в только что созданный Свято-Сергиевский богословский институт в Париже (вместе с ним в профессорско-преподавательский состав института вошли Г. В. Флоровский, С. Н. Булгаков, В. В. Зеньковский, Г. П. Федотов, К. В. Мочульский и др.), где проработал с 1925 по 1941 гг. В это время он тесно общался и сотрудничал с евразийцами (до 1929 г.), Русским студенческим христианским движением (РСХД)²⁸ и газетой «Возрождение»²⁹.

²⁷ В. Н. Ильин. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 117.

²⁸ Об этом подробнее см.: Е. О. Розова. В. Н. Ильин о смысле русской культуры // Философские науки. 2016. № 2. С. 131–141.

²⁹ В газете «Возрождение», умеренно-консервативном органе русской эмиграции, основанном в 1925 г., Ильин публиковался всего три года (с 1934 до 1937 гг.), делая это в основном под псевдонимом П. Сазанович (используя фамилию своего дяди по матери, проживавшего в Париже) (Е. О. Розова. Статьи В. Н. Ильина в газете «Возрождение» // Историко-философский ежегодник '2010. М., 2011. С. 261–304).

Ненависть и борьба с советской идеологией повлекли за собою и «черные страницы» в биографии Ильина, что выразилось в конечном счете в его сотрудничестве с национал-социалистической партией Германии в 1930–1940-е годы³⁰. В 1941–1942 гг. Ильин даже на какое-то время переехал жить в Берлин, получив стипендию на свои исследования, а вместе с ней — возможность подолгу заниматься в Берлинской университетской библиотеке³¹. Эти занятия продлились недолго: в скором времени Ильин вернулся назад в Париж, тем не менее оттолкнув при этом от себя многих своих бывших коллег и друзей³². Стоит подчеркнуть, что даже в разгар своих симпатий к нацистскому режиму Ильин видел в фигурах Гитлера и Муссолини прежде всего «антитезу (даже в гегелевском смысле) красному социализму»³³.

Период 1930–1940-х годов в целом стал в жизни Ильина наиболее тягостным, полным ошибок и испытаний, непрерывно сменявших друг друга, что привело мыслителя к состоянию «болезни», глубокой депрессии, безденежью, разрыву отношений с прежним кругом друзей (особую роль здесь сыграл скандальный разрыв с Н. А. Бердяевым, которого Ильин в феврале 1935 г. в статье «Идеологическое возвращенство» обвинил в «заигрывании с большевизмом»³⁴), и в конечном счете — увольнению из Свято-Сергиевского института в Париже (как и в случае конфликта Ильина с Бердяевым, поводом для этого послужила критическая статья Ильина о главе института митрополите Евлогий (Георгиевском) под названием «Мозги набекрень», кото-

³⁰ Подробнее об этом см.: А. А. Ермичев. Casus Владимира Ильина, или о том, как трудно любить Россию // Вопросы философии. 2012. № 4. С. 111–121.

³¹ См.: А. П. Козырев. Исав, восставший на Иакова. С. 19.

³² А. А. Ермичев. Casus Владимира Ильина, или О том, как трудно любить Россию. С. 117.

³³ В. Н. Ильин. Пережитое. С. 481.

³⁴ См.: Звезда. 1997. № 3. С. 174–184.

рая была напечатана в профашистских газетах «Новое слово» и «Парижский вестник»³⁵). На это же время пришлось и прекращение сотрудничества Ильина с газетой «Возрождение». Поводом к этому стала ссора Ильина с неофициальным главой газеты Г. А. Мейером (1896–1944), который, по словам мыслителя, «наполнял» его статьи «бранными выходками» с целью «дискредитировать в глазах общества»³⁶.

В этот период наибольшего «упадка» своих сил Ильин любил сравнивать себя с П. Абеляром (собираясь даже написать мемуары под названием «История моих бедствий»), Гамлетом, Дон Кихотом и средневековым монахом Готешальком (Готшальком), который был отдан родными в монастырь еще во младенчестве, пытался затем в юности покинуть его стены и даже получил на это разрешение синода, но по воле аббата был вынужден остаться на прежнем месте, а затем и вовсе был осужден на вечное заточение за разработанное им учение о предопределении (написанное под влиянием идей Августина). «Меня неудержимо влечет к себе образ монаха Готешалька (IX в.), одного из авторов учения о предопределении и одного из самых несчастных и раздавленных судьбой исторических персонажей. Ведь подобно тому, как он силою обстоятельств стал монахом-богословом, что и погубило его, — так и я, по темпераменту артист и “Тарзан”, оказался наделенным богословско-метафизическим даром, убивающим счастье моей жизни и высасывающим как вампир все живое из меня»³⁷, — писал в мемуарах он.

Вскоре после возвращения из Берлина в 1944 г. Ильин был приглашен читать лекции по литургике в только что открывшийся в Париже православный Богословский ин-

³⁵ Е. О. Розова. Статьи В. Н. Ильина в газете «Возрождение». С. 279.

³⁶ В. Н. Ильин. Письмо Н. А. Бердяеву от 23 июня 1943 г. // Звезда. 1997. № 3. С. 183.

³⁷ В. Н. Ильин. Пережитое, С. 471.

ститут св. Дионисия (Institut St. Denis)³⁸. Свою публицистическую деятельность он возобновил в середине 1950-х годов, сотрудничая уже с обновленным журналом «Возрождение», пришедшим на смену одноименной газете в 1949 г. В последние годы своей жизни он много болел, но не переставал трудиться (1 октября 1974 г. он записал в своем дневнике «С величайшим трудом приступил я к писанию... главы основного труда моей жизни “Нуль-точка-монада”»³⁹). Умер В. Н. Ильин 23 ноября 1974 г. у себя дома, садясь за пишущую машинку.

В заключение всего вышесказанного хочется лишь отметить, что задача системы морфологии, которую перед собой ставил Ильин, была без преувеличения грандиозной: он хотел в какой-то степени продолжить и развить дело, начатое Флоренским в учении о «неслитном и нераздельном»⁴⁰ единстве монад в Софии. А, следовательно, можно

³⁸ Институт Святого Дионисия, покровителем которого считается священномученик Дионисий Ареопагит, был основан как православное учебное заведение священником Евграфом Ковалевским (1905–1970) после освобождения Франции от немецкой оккупации. До 1947 года он носил название «Литургический центр святого Иринея Лионского». В 1953 году институт вместе со своим основателем покинул юрисдикцию Московской Патриархии, став частью основанной Ковалевским «Французской Кафолической Православной Церкви» («Eglise catholique orthodoxe de France»). В 1960 г. он вошел в состав Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Одним из активных деятелей института был В. Н. Лосский (1903–1958), преподававший в нем догматическое богословие и церковную историю с момента его основания до 1953 года (с 1945 г. — в должности декана института).

³⁹ В. Н. Ильин. Нуль, точка и монада. Экскурсы I и др. Очерк, дневниковые записки, заметки // Дом русского зарубежья. Архив. Фонд 31: Владимир Николаевич Ильин. Оп. 1. Рукописи В. Н. Ильина. № 141. Л. 16.

⁴⁰ А. П. Козырев в связи с этим вопросом совершенно справедливо замечает: «Конечно, для Ильина проблема формы осмысливается через обращение к патристической традиции, к христианскому персонализму и монадологии, он отстаивает тезис о единосущии форм, используя догматическую формулу халкидонского ороса о “неслитности, неизменности, нераздельности и неразлучности”, примененную Церковью

сделать вывод о том, что главной антиномической парой, которая в рамках морфологии должна была объединиться в одно учение, сохранив при этом саму суть своей «антиномичности», была для Ильина оппозиция персонализма (как лейбницианского, так и бердяевского толка) и всеединства Владимира Соловьева. Удалось ли воплотить этот проект в полной мере в жизнь? Морфология, сама являясь непосредственной частью диалектического потока жизни, не может дать нам такого однозначного ответа. Но результат ее будет проясняться в будущем, по мере публикации еще не изданных архивных материалов В. Н. Ильина, одна из которых предлагается ниже.

Оригинал публикуемого текста является частью архивного собрания библиотеки Дома русского зарубежья имени А. И. Солженицына (Фонд 31: Владимир Николаевич Ильин. Оп. 1. Рукописи В. Н. Ильина. № 141). В публикации по возможности сохранены орфография и пунктуация его рукописного оригинала. Без изменений сохранено также авторское выделение некоторых слов, фраз и предложений заглавными буквами. Части текста, выделенные в рукописи красными чернилами, здесь выделены жирным шрифтом. Автор выражает благодарность А. П. Козыреву и О. Т. Ермишину за помощь, оказанную в работе, а также О. В. Осиповой за помощь в расшифровке текста.

к сочетанию двух природ во Христе, а затем частично воспроизведенную в эпоху исихастских споров о соотношении энергий и сущности в Боге, учение о. П. Флоренского о нумерическом и генерическом тождестве» (А. П. Козырев, *Перипатетик русского Парижа // Вопросы философии*. 1996. № 11, С. 89).

В. Н. Ильин

Нуль, точка и монада. Экскурсе I к «Статике и динамике чистой формы» («Морфология устойчивого процесса») [1953]

Введение

«Новое вино вливается в новые мехи»¹. Новая наука требует новых методов и новых средств выражения, новых форм и формулировок. В этом отношении мир современной науки находится в условиях аналогичных эпохе, когда Фрэнсис Бэкон (Francis Bacon 1561–1626) писал свои «De dignitate et augmentis scientiarum» (1605 и усов. 1623), «Novum Organum scientiarum» (1620) и фрагментарную «Nova Atlantis»².

¹ Парафраз Евангелия от Луки: «И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут; но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое. И никто, пив старое вино, не захочет тотчас молодого, ибо говорит: старое лучше» (Лк. 5: 37–39).

² «De dignitate et augmentis scientiarum» (1623) — трактат Фр. Бэкона «О достоинстве и приумножении наук», первая часть главного философского проекта мыслителя «Великое восстановление наук» (Instauratio Magna Scientiarum). В 1605 году философ опубликовал первый вариант этой работы в двух частях на английском языке под названием «О значении и успехе знания, божественного и человеческого» («The Proficiency and Advancement of Learning Divine and Human»), «Novum Organum scientiarum» (1620) — «Новый Органон, или Истинные указания для истолкования природы» — вторая часть проекта «восстановления наук», посвященная логике и методологии познания (здесь, в частности, Бэкон обосновывает свой знаменитый метод индукций). «Nova Atlantis» (1627) — «Новая Атлантида», — неоконченная повесть

Однако этот новый метод и с ним связанная новая философия, новая метафизика новой науки должны вестись в направлении, означающем преимущественно **полное** (более или менее) **разрушение вреднейшего дела этого псевдо-философа и псевдо-мудреца** по поводу которого создан в западной науке один из глупейших и вреднейших мифов, поддержать который не постеснялись такие ученые, как Kuno Fischer, Wilhelm Windelband, Wilhelm Frost, Lewalter³ и др. О русских материалистических глупцах и т.н. «интеллигентах» я уже и не говорю. Кажется, только один близкий к гениальности Knut Hamsun в своей философско-идеологической трилогии («У врат Царства», «Игра жизни» и «Вечерняя заря») попытался уничтожить эту, как он выражается устами своего трагического героя Ивара Карено, «эту чудовишную гору школьной мудрости»⁴, т.е. авгиевы конюшни материалистического эмпиризма, возникшего на почве, унавоженной (ибо это действительно — навоз) Фрэнсисом Бэконом и Джоном Стюартом Миллем (John Stuart Mill, 1806—1873). К этому присоединим еще других специфических англосаксонских глупцов

Бэкона, в которой он рисует утопическую картину будущего общества, где восторжествовал научно-технический прогресс.

³ Kuno Fischer (1824—1907) — Куно Фишер, известный немецкий философ и историк философии, профессор Йельского и Гейдельбергского университетов, автор «Истории новейшей философии» («Geschichte der neueren Philosophie») в 9 т. Wilhelm Windelband (1848—1915) — Вильгельм Виндельбанд, глава Баденской школы неокантианства. Wilhelm Frost — найти сведения об этом мыслителе не удалось. Lewalter — Кристиан Эрнст Левальтер (1892—1956), немецкий философ и литературный критик. В годы Второй мировой войны был одним из идеологов нацистского режима, посвятив этому цикл исторических работ. После выступал в защиту М. Хайдеггера в споре о его причастности к нацистскому режиму в 1933—1945 гг.

⁴ Ср.: «Современная английская философия не только “чудовишная гора школьной мудрости”... Весь свет живет ею. Все мыслители верят в нее. Суть философии не в остроумии, а грубость она совершенно игнорирует» (К. Гамсуэн. У врат царства // К. Гамсуэн. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6 : Рассказы, пьесы : На заросших тропинках / Пер. с норвеж. Е. А. Суриц, Ю. Я. Яхнина, Н. Киямова, М., 2000. С. 298).

с русскими и другими болванами и вовсе идиотами на припляске — имею в виду бедлам, устроенный в науке Чарльзом Дарвином, Гербертом Спенсером (Herbert Spencer, 1826–1903), Боклем (Henri Thomas Buckle, 1821–1862), Древым (Arthur Drews, 1865–1935), Давидом Штраусом (Strauss, 1808–1874), Тюбингенской школой, Геккелем (Haeckel, 1834–1919), Фохтом (Vogt, 1817–1895), Мошоттом (Moleschott, 1822–1893), Бюхнером (1824–1899)⁵, соответствующими французскими и русскими идиотами *de ce stupide XIXe siècle*⁶.

⁵ Генри Томас Бокль (Henri Thomas Buckle, 1821–1862) — английский историк, автор «Истории цивилизации в Англии» («History of Civilization in England», 1857). Придерживался позитивистских взглядов. Артур Дреус (Arthur Drews, 1865–1935) — немецкий философ, писатель, ученик Э. Гартмана. Известен своей антирелигиозной и антихристианской работой «Миф о Христе» («Die Christusmythe», 1909). Давид Фридрих Штраус (Strauss, 1808–1874) — немецкий философ, историк, теолог и публицист. Автор широко известной в свое время работы «Жизнь Иисуса» («Das Leben Jesu»). Считал, что Иисус Христос был реальной исторической личностью, но почти все тексты Евангелий составлены намного позже его жизни (в первых веках нашей эры). Вследствие этого факты, указанные в Евангелиях, были сильно искажены. Тюбингенская школа — лютеранская школа экзегетики — основана Ф. Х. Бауром в 1826 г. Известна тем, что ее представители впервые попытались применить исторический (в частности, гегельянский) подход к изучению Библии. Радикальным представителем Тюбингенской школы был Давид Штраус, а популяризатором его идей во Франции — Эрнест Ренан (1823–1892). Эрнст Фридрих Геккель (Haeckel, 1834–1919) — немецкий естествоиспытатель и философ. Занимался разработкой философских аспектов эволюционной теории. Был апологетом «монизма» — научно-философской теории, призванной заменить религию теорией эволюции, и основателем «Лиги монистов». Придерживался идеи социалдарвинизма. Карл Фохт (Vogt, 1817–1895), Якоб Мошотт (Moleschott, 1822–1893) и Людвиг Бюхнер (1824–1899) — представители философии «вульгарного материализма» (термин принадлежит Ф. Энгельсу). Направление возникло на фоне естественнонаучных открытий второй половины XIX; было примечательно тем, что его представители отрицали специфику сознания, отождествляя его с материей («мозг выделяет мысль, как печень выделяет желчь»; «нет мысли без фосфора»).

⁶ «Глупый XIX век» («Le stupide XIXe siècle», 1922), — название романа известного французского писателя и поэта Леона Доде (Alphonse Marie Vincent Léon Daudet, 1867–1942), сына Альфонса Доде.

Однако, откуда пришла беда, оттуда пришло и лечение. Не полностью, впрочем. Ибо русские дали «Tertium Organum» Петра Демьяновича Успенского⁷, роскошное развитие русской религиозно-философской мысли (о. Павел Флоренский, о. Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев, Л. И. Шестов, А. Ф. Лосев, С. Л. Франк, Н. О. Лосский), морфологию В. Н. Ильина, автора этих строк, и др. Англо-саксы же продолжают свое идиотское непотребство, так удивительно попадая в тон марксистам. О немецком кретинизме нации я уже не говорю.

Все это пора вместе с Марксом и Лениным выбросить на свалку нечистот, в слоаса *maxima*⁸ мировой Истории и заменить Фрэнсиса Бэкона — Роджером Бэконом (Roger Bacon, 1214–1294). Получай свое возмездье Мишка Дынник, выученик Васьки Зеньковского⁹!

⁷ «Tertium Organum», или «Третий Органон», — трактат Петра Демьяновича Успенского (1878–1947). Успенский увлеклся теософией, был сподвижником Г. И. Гурджиева. Как ясно из названия, свой «Третий Органон» он ставил в один ряд с «Органомом» Аристотеля и «Новым Органомом» Фрэнсиса Бэкона, желая в этом трактате дать «новую модель» логики посткантовского научного мировоззрения и устройства Вселенной.

⁸ Слоаса *Maxima*, или Большая Клоака — часть канализационной системы Древнего Рима. Функционирует до сих пор. Во многом благодаря этому сооружению слово «клоака» вошло в современный лексикон как синоним грязного (как в физическом, так и в моральном отношении) места.

⁹ Михаил Александрович Дынник (1896–1971) — советский философ, теоретик диалектического и исторического материализма. В 1919 году он окончил Киевский университет, в котором на тот момент преподавал В. В. Зеньковский. Зеньковский также был и профессором Ильина в Киевском университете и даже составил ему протекцию, благодаря которой тот смог стать преподавателем Свято-Сергиевского богословского института в Париже в 1925 году (сам Зеньковский до 1962 года преподавал там философию, будучи профессором кафедры философии, истории русской философии, психологии и апологетики, а с 1949 г. — деканом института). См.: А. П. Козырев. Исав, восставший на Иакова. С. 15–18.

Нынешняя эпоха может быть охарактеризована как **диа- лектическое совпадение микрофизики и макрофизики, то- чечно-квантовых потенций и громадных и предельных ско- ростей, пространств и времен, освобождения громадных энергий, сосредоточенных вокруг точек по-нулевых образов или представлений.**

То же самое придется сказать и о плане социальном. Па- раллелизм, аналогия взрывов сплошных («цепных реак- ций») и взрывов социально-национальных, производимых вокруг простейших, точечных идеологических формул, напр<имер>, марксистских или нацистских, — бросается в глаза.

Морфология имеет в качестве непосредственной пред- шественницы «Феноменологию» Ed. Husserl'я (особенно в его начальные, посвященные философии числа периоды) и учение Ehrenfels'a о «Gestalt qualitäten»¹⁰.

Если по Достоевскому и Ясперсу постановка человека на грани **пограничного состояния (grenzsituation)**¹¹ открыв- ает последние эссенциальные глубины той всяческой экзистенции в плане **интенсивном — духовно-динамиче- ском**, то то же самое, вернее, аналогичное придется сказать и о всякой **экстенсивной форме** (напр<имер>, геометриче- ско-физической точке) и всяком физико-математическом количественном образе, который таким образом открыва- ется не как таковой и **стремится к общему истоку с образом интенсивным.**

¹⁰ Ehrenfels -Христиан фон Эренфельс (1859—1932) — австрийский фи- лософ и психолог ученик Франца Brentano. Был одним из главных предшественников появления гештальт-психологии. Понятие «геш- тальт-качество», или Gestalt qualitäten, он впервые вводит в своей рабо- те «О гештальт-качествах» («Über Gestaltqualitäten», 1890).

¹¹ Grenz situation — «пограничное состояние», или «пограничная ситу- ация», — термин, введенный немецким философом-экзистенциалистом и психологом Карлом Ясперсом (1883—1969) в его работе «Психология мировоззрения» (Psychologie der Weltanschauungen, 1919).

Этот интенсивно-экстенсивный комплекс в современной физике носит общее название **ПОЛЯ** (Feld)¹². В логике ему соответствует выдвижение на первый план «связки» (Groöfe, В. Ильин)¹³. С этого я и начинаю.

Гл. I. Точка физическая и точка метафизическая

Связь с идеями относительного нуля, относительного небытия и субъекта мысли-монады

Как известно, физико-психо-физиологический эффект света, доходящего до глаза наблюдателя от планет и от звезд **РАДИКАЛЬНО** разнится тем, что источники света, исходящего от планет есть видимый и измеряемый **ДИСК**, в то время, как источником света, исходящего от звезды, является **НЕВИДИМАЯ И НЕИЗМЕРЯЕМАЯ ТОЧКА**.

Это и есть тот основной физико-математический и психофизиологический парадокс **ВСЕЛЕННОЙ И ЕЕ НАБЛЮДАТЕЛЯ**, с которым сталкиваются метафизики вообще и метафизики точки в частности. Этот парадокс так же удивителен и кажется неразрешимым, как парадоксы элеатов в древности и основной парадокс познания, возникший со всей яркостью в Новое время (ср. Нельсона¹⁴). Солнце

¹² На полях: Хотя выражение говорит не о «поле», но о «сфере». [Здесь и далее — прим. авт.].

¹³ Возможно, так Ильин обозначал логическую связку в «Курсе логики» — еще одном не изданном при жизни своем труде.

¹⁴ По всей вероятности, здесь идет речь о немецком философе и психологе, представителе психологического направления в неокантианстве, Леонарде Нельсоне (1882–1927), к заслугам которого относится в том числе и формулировка логико-семантического «парадокса Нельсона-Греллига» (1908), фактически являвшегося аналогом парадокса Бернарда Рассела (1901), выраженного нематематическим языком. Ср.: «Будем называть прилагательное рефлексивным, если это прилагательное обладает свойством, которое определяет. Например, прилагательные «русское», «многосложное» — обладают свойствами, которые

есть звезда с измеримым диском и параллаксом¹⁵ — и мы отлично знаем, что все звезды, видимые и невидимые, суть, с оптико-психо-физиологической точки зрения — диски с видимыми и измеримыми дисками и параллаксами, а главное, уже и что с астрофизической точки зрения с физической структурой, о которой мы, особенно теперь, можем составить себе более или менее относительное представление. Знаем мы даже «очень много» и «знание наше есть ясное и отчетливое» (Л. Шестов) и «победного шествия» нашей удивительной науки «ничто не в состоянии остановить»¹⁶. Однако вот **ТОЧКА...** *Un point c'est tout*¹⁷, как говорят французы. Оказывается, **ФИЗИЧЕСКАЯ ДАЛЬНОСТЬ НА ИЗВЕСТНОЙ ДИСТАНЦИИ**, где количество превращается в качество, **ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ДАЛЬНОСТЬ МЕТАФИЗИЧЕСКУЮ**. И эта метафизика — несомненно **АПОФАТИЧЕСКАЯ**, она — от **DOCTA IGNORANTIA**¹⁸.

они определяют (прилагательное “русское” является русским, а прилагательное “многосложное” является многосложным), поэтому они являются рефлексивными, а прилагательные “немецкое”, “односложное” — являются нереклексивными. Будет ли прилагательное “нереклексивное” рефлексивным или нет?» (А. А. Ивин. Логика. М., 2002. С. 324–325).

¹⁵ Параллакс (*греч. παραλλάξις*, от *παράλλαξις*, «смена, чередование») — термин, используемый в физике и астрономии, обозначающий изменение видимого положения объекта относительно удаленного фона в зависимости от положения наблюдателя.

¹⁶ См.: Л. И. Шестов. Афины и Иерусалим. СПб., 2001. С. 46.

¹⁷ Устойчивое разговорное выражение французского языка, в русском аналогом ему служит «...и точка!».

¹⁸ *Docta ignorantia*, — в философии Николая Кузанского «ученое неведение», или «умудренное незнание». Одноименный труд мыслителя вышел в 1244 году. Ср.: «Иначе как бы могло появиться у величайших гениев мира, как, например, у Сократа, бл. Августина, автора “Ареопагитик”, у Николая Кузанского и др., сознание не только своего полного, хотя и “умудренного” неведения (*docta ignorantia*), “апофатического (отрицательного) богословия” (Ареопагитики), но и “знание своего незнания” Сократа?». (В. Н. Ильин. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 95).

Вместе с тем здесь ставится в физико-метафизическом смысле **ПРОБЛЕМА ЭКРАНА** и, следовательно, проблема **ПРОЕКЦИИ**. Это проблема и тема самого грандиозного рода, ибо достаточно «толстый» экран может сделать непрозрачным и недоступным все, что угодно. Что же касается проекции и рефлексии (морфологически это одно и то же), то есть бытия, познания и осознания, то предельный случай здесь дан в гениальном поэтически-метафизическом четверостишии Тютчева:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных:
Всё зримое опять покроют воды,
И божий лик изобразится в них!¹⁹

С этого во всяком случае все начиналось для нашего земного эона. Этим может и кончиться — несомненно, для нового начала. Но у Тютчева несомненно **NUNC STANS**²⁰. Но иногда «**ТОЧКА**» будет в физико-метафизическом смысле **МЕСТОМ ВСТРЕЧИ НАЧАЛ И КОНЦОВ**.

Но в каком «**СМЫСЛЕ**» и с какой «**ТОЧКИ ЗРЕНИЯ**»?

К этому надо присоединить, что «точкой», которой аналогичен «признак» в логическом «понятии», как концепцией «метапространственной» ограничиться нельзя. Ибо всякая метафизическая концепция, где все ограничено «*dasein frei Objekte*» будет чудовишно однобокой и неполной, и, «погнавшийся за одним зайцем здесь не поймает даже и его» —

¹⁹ Ф. И. Тютчев. «Последний катаклизм» (1829).

²⁰ Идея «*nunc stans*», или «вечно пребывающего настоящего момента» впервые возникает в концепции времени у Блаженного Августина и получает свое дальнейшее развитие в схоластике. Ср.: «Ты [Бог. — А. Б.] не во времени был раньше времен, иначе Ты не был бы раньше всех времен. Ты был раньше всего прошлого на высотах всегда пребывающей вечности, и Ты возвышаешься над всем будущим: оно будет и, придя, пройдет. “Ты же всегда — тот же, и годы Твои не кончатся”» (Августин. Исповедь. Мн., 2006, С. 217).

в противоположность тривиальной поговорке. «Пункт пространства» можно осознать только в его морфологической комплексности с «**пунктом времени**», «точкой времени». Это и будет двуединым начально-конечным комплексом, пунктом-мгновением, если угодно, «**временно-пространственным минимумом-максимумом, стяженной вечностью или микрозоном**». Этот комплекс еще можно назвать **стяженной микроидеей**. А если так, то одновременно ставится **проблема актуализации заложенной в такой микропамяти потенции-энергии и стимулов этой актуализации**, что связано также несомненно с **психофизической проблемой**. А это в свою очередь связано с **проблемой личности, памяти и творчества**.

Но геометрическая точка ограничивается максимумом, т.<ак> ск<азать>. «пространственной абстракции и рестрикции», приводящей **ТОЧКУ К ПРОСТРАНСТВЕННОМУ НУЛЮ**. Ставится вопрос, какого рода этот «нуль». То есть — нуль ли это **НУЛЬ АРИТМОЛОГИЧЕСКИЙ** ИЛИ ЭТО **НУЛЬ ФЛЮЭНТОЛОГИЧЕСКИЙ**, т. е. **СТРЕМЯЩАЯСЯ К НУЛЮ ПРОИЗВОДНАЯ НЕКОТОРОЙ ФУНКЦИИ**.

С этой точки зрения придется признать, что прямая, как «кратчайшее расстояние между двумя точками», должна иметь своим пределом нуль, точки (и притом «все»), сливающиеся в микронаду пространственно протяженного нуля²¹.

Тогда в силу невозможности геометрии в темноте, т. е. в нуле пространства, придется признать, что некая единая и единственная точка «освещает» темноту через эмиссию «множества» светящихся точек, фотонов, образующих геометрически «видимые» тела (в свете ли воображения, или в свете пространственного «вместилища» геометрических тел и пространственных неонов **каких угодно «измерений»**).

Все это есть абстракция, т. е. **экзистенциальный минимум пространственности**. Дальше начинается **небытие**. И точка

²¹ Само это столь часто употребляющееся выражение требует специального рассмотрения.

есть предельный случай морфологической структуры, возникающей, возникшей и стоящей на границе небытия.

Вообразим себе гомогенную светящуюся сферу какой угодно большой, но конечной, стабильной фотометрической яркости. При достаточной близости к наблюдателю, охватывающей 180 градусов (почему взято это число, — ясно само собою) эта сфера своей проекцией покроет для наблюдения весь т<ак> наз<ываемый> небосклон. Это будет затмением наоборот. Затем, при удалении наблюдателя она начнет превращаться в сначала очень большой, потом все уменьшающийся диск, в кольцо из фотометрического небытия. Этот диск при достаточном удалении от него превратится в не имеющую видимого диаметра точку, сначала более или менее значительной фотометрической величины, все убывающей по мере удаления от него. Эта величина сначала может еще давать представление о процессах, совершающихся в сфере, превратившейся ДЛЯ НАБЛЮДАТЕЛЯ в точку, так же, как она может исчезнуть для неметафизического субъекта наблюдений, но еще действовать в минимальных и все убывающих размерах на светочувствительные поверхности (давя на них скоплением восстановленного серебра какой-либо формы, каковые скопления мы назовем точечными). Наконец, удаление может достигнуть такой величины, что достигающие с чрезвычайной редкостью рассеянные фотоны сделают разложение только одной молекулы AgBr_2 , восстановив один атом Ag. Наконец, давно уже переставшая существовать для сетчатки глаз точка эмиссии фотона или других фотохимических волн и корпускул действует так редко и рассеянно, что это равносильно полностью бездействию. **Объективно и субъективно точка перестала существовать ОТНОСИТЕЛЬНО достаточно (но не бесконечно) удаленного психофизического наблюдателя и светочувствительного препарата, став для них ОТНОСИТЕЛЬНЫМ НЕБЫТИЕМ, которое возможно охарактеризовать материалистически. Это будет математически охарактеризованное ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ФИЗИКО-ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ НЕБЫТИЕ, которое мы и назовем стоящей на пороге бесструктурного отно-**

сительного небытия психо-физиолого-фотохимической точкой. При дальнейшем удалении она превратится в **относительный психо-физико-химический и физиологический нуль**, о существовании которого наблюдатель и фото-химическая субстанция, никогда не бывавшая в пределах энергии воздействия исчезнувшей точки, не могут сказать ничего, хотя для других она существует. И высказывания одних о существовании этих исчезнувших точек, а других о их несуществовании одинаково верны и одинаково ложны. Мы находимся здесь в сфере *asylum ignorantiae*²², в сфере гносеологического небытия или абсолютного скепсиса о том, что связь есть и что она вообще может существовать психофизиологически и фотохимически. И так как орудья его [нрзб.] (пар и фотохимическая субстанция) обречены на вечное бездействие, то и их почти вовсе нет. Представлениям о точках, линиях, углах и пр<очем> неоткуда взяться. **Нет представлений о пространстве и его географической функции.** Относительная бесконечность светящегося диска, прикрывающего все своды небесные, превращается в относительное небытие.

Но КТО является субъектом этих высказываний?

Этим субъектом является **наделенная сознанием монада**. Или проще, назовем ее **сферой субъекта, ясного и отчетливо-го мыслящего сознания**. Итак, мы пришли к удивительным и парадоксальным заключениям, именно, что точка имеет структуру, нуль имеет величину и ничто — мыслим — «вот это самое».

Перед окончанием этой вводно-смысловой главы следует остановиться на последнем.

Когда говорят «**ничто**», то это всегда относится к объективному миру и к его манифестациям — и притом про-

²² «*Asylum ignorantiae*» — «Прибежище невежества», или «прибежище незнания», — идея Б. Спинозы. Ср.: «И таким образом, не перестанут спрашивать о причинах причин до тех пор, пока вы не прибегнете к воле бога, т. е. к *asylum ignorantiae*» (Б. Спиноза. Этика // Б. Спиноза. Избранное. Мн., 1999. С. 418).

странственно-временным. Это значит, что такая пространственная (протяженная) форма отсутствует «здесь» и «теперь». Напр<имер> «здесь» и теперь отсутствует кубической формы и ребром в 1 см кусок химически чистого золота (золото — quidditas; кубической формы, а ребром в 1 см, «здесь» и «теперь» — haecitas²¹). Но это никак не может касаться субъекта мыслящего о «ничто», иначе и само «ничто» не могло бы быть мыслимо. Это всегда «забывают» материалисты и противники т. н. «идеализма» — в действительности же отрицание вневременного и внепространственного субъекта познания, т. е. отрицание существования **духовной точки-монады**.

Такое отрицание так же невозможно, как и не возможен абсолютный скепсис: обе указанные операции направлены прежде всего против самих себя. Гений Г. Р. Державина именует всю актуальную совокупность миров («большой космос») — **«точкою одного»** перед лицом Божиим, а человека — **«ничто»**, т. е. нулем.

Но Ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод²⁴.

Монада — человеческое «Я» и божественное «Ты» (тема Martin'a Buber'a²⁵), точка — символ «большого космоса»

²¹ quidditas («чтойность», «чевотовость») и haecitas («зтость», «этовость») — центральные понятия в работе В. Н. Ильина «Статика и динамика чистой формы», взятые им из философских учений Бозция («quidditas») и Дунса Скотта («haecitas»). См.: А. П. Козырев. Примечания // Ильин В. Н. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 133.

²⁴ Из оды Г. Р. Державина «Бог» (1784).

²⁵ Мартин Бубер (1878–1965) — еврейский экзистенциальный философ, выходец из Австро-Венгрии. Разрабатывал концепцию «философии диалога» («Я и Ты», 1923).

и «ничто», в котором содержится «все» — вот о чем нам придется сейчас говорить.

Гл. II. Моменты сознания, времени и пространства

Ахиллесова пята как веры в т. н. «материализм», так и ему соравно и диаметрально противоположный «теизм» есть то, что оба являются как состояния в потоке сознания или в порядке действительности «моего» «я». От того, что эти состояния суть состояния только «моего» «я», т. е. от солипсического безумия можно отделаться и знаменитой фразой шопенгауэро-фихтеанского типа: «я был всегда я: все те, кто говорили “я”, были “я”»²⁶. К этому можно свести и основу брахманизма, свершив таким образом мысленный метафизический синтез «запада» и «востока». Гораздо труднее «отделаться» от понятий «сознания вообще» (*Bewusstsein über haupt*). Это задача бесконечной трудности, особенно тогда, когда «не я» является не «чужим я», но «не я вообще» (такого термина еще в философии не было, а, между тем, в таком понятии термина есть постоянная необходимость). Это аналогично вопросу что «делается» «там» и «тогда», «где» и «когда»? То есть, тогда и там, где сознание «равняется нулю». Или — где оно бесконечно мало, длится одно «мгновение» и являет себя в «точке» пространства (неопределенно и неизвестно где, когда и как «поставленной»)?

Таким вопрошанием сразу ставится основная комплексная проблема эссенциальной метафизики и математико-логического мышления.

Но вместе с тем, в комплексной форме ставится и основная проблема и полярно-противоположного ей экзистенциального «переживания» «моего» существования в мире. Ибо

²⁶ См.: А. Шопенгауэр. Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа // А. Шопенгауэр. Избранные произведения, М., 1992, С. 121.

если в собрании или во множестве объектов, лишенных существования (*daseinfrei Objekte* по Алексису Meinong'у)²⁷ нет и не может быть субъективных модусов бытия и вопрошания о них, или что в «единосущности» или «многоединстве» субъектов «подчиненные существования» и субъективные модусы бытия существуют, и вопрошания о их существовании не может не быть. В обоих случаях «метафизика» (ἡ πρῶτη φιλοσοφία) и то, чем она «занята», морфологически совпадает, и онтологический аргумент оказывается оправданным во всей своей полноте, — в качестве, в количестве, в логике и металогики, в «этовости» (*haecceitas*) и в «чевойности» (*quidditas*), т. е. в «нумерическом» и «генерическом», говоря терминами о. Павла Флоренского²⁸.

Совершенно ясно, что внеположенно-непроницаемо экстенсивное протяжение (*l'étendue*), лежащее в основе организованных, или лучше «упорядоченных» «вещей» разделяет их в их эссенциальности; а внутрисложенное-проницаемое интенсивное «дление» (*la durée*), лежащее в основе духовно единых или лучше «единосущных», «всеединых» субъектов-личностей — соединяет и объединяет их. **Через время, дление, вечность субъекты-личности единосущно всеедины.** Но так как три координаты составляют согласно Минковскому²⁹ единство с «координатой време-

²⁷ Алексис Меинонг (1853–1920), — австрийский философ и психолог. Разрабатывал теорию ценности, выделяя при этом несколько типов объектов: существующие материально, существующие в нематериальном мире и не могущие существовать в принципе («*dasein frei Objekte*»).

²⁸ «Нумерическое» (числовое) и «генерическое» (видовое или родовое) — два вида тождества, разработанные о. П. Флоренским в четвертом письме «Свет Истины» работы «Столп и утверждение Истины» (1914). В. Н. Ильин неоднократно в своих работах обращался к данным понятиям (*А. П. Козырев*. Примечания // Ильин В. Н. Статика и динамика чистой формы, или Очерк общей морфологии. С. 135).

²⁹ Герман Минковский (1864–1909) — немецкий математик, автор геометрической теории чисел и геометрической четырехмерной модели теории относительности. В своих разработках представил пространство и время как нераздельные и взаимозависимые части единого четырех-

ни» (морфологически пространственно-временного типа согласно терминологии В. Н. Ильина), то **время-длительность-вечность есть триединая, метафизико-онтологическая сверхкатегория (ср. Ласка³⁰), которой объединяются эссенция и экзистенция, объект и субъект, вещи и личности, не-сознательное и сознательное.**

Надо рассмотреть, как это возможно — диалектически и эмпирически.

Теория относительности, которая трудами целой плеяды ученых (гл<авным> обр<азом> Einstein'a и Минковского — согласно установившемуся ритуалу академического мышления) выдвинула преобразованную при переходе от одной системы координат к другой «четвертую координату времени» и тем окончательно порвала с многолетней диктатурой <нрзб. > элеатизма в «точной» («номотетической») науке и перешла к «гераклитическому» (подвижно-гибкому) типу, но все же никак не имела в виду наук «идеографических» (наук «о культуре», наук «о духе»), не мыслила о заполнении зияющего пробела-пропасти (как будто бы бездонной) между ними и даже не подумала никогда поставить вопрос о примирении принципа относительности с науками идеографическими и «науками о духе»³¹. Выходит, что

мерного псевдоевклидова пространства, что оказало непосредственное влияние на создание теории относительности А. Эйнштейна.

³⁰ Эмиль Ласк (1875–1915) — представитель Баденской (Фрайбургской) школы немецкого неокантианства, ученик В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Разрабатывал учение о сверхкатегориях, или категориях категорий как самостоятельных формах, образующих смыслы суждений.

³¹ «Идеографические» («науки о духе») и «номотетические» («науки о природе») науки (от греч. νομοθετικῆ — законодательный νόμος — особенный, урбфо — чертить, рисовать, писать) — классификация наук, разработанная в неокантианстве Баденской школы (Г. Риккерт, В. Виндельбанд и др.). Основное сходство между номотетическим и идеографическим методами заключается в том, что они познают мир при помощи понятий, складывающихся в суждения и умозаключения. Метод естественных («номотетических») наук состоит в установлении общих законов («генерализирующий метод»), а метод гуманитарных (в частности, историче-

этим делом должны заняться философы-метафизики. Заметим, на всякий случай, что когда речь идет о «причислении принципа относительности к наукам о духе», то здесь мыслится отнюдь не тот физико-познавательный релятивизм в его обычной форме — идущей от софистов и связанный с общей «нигилистической» или «анаксипологической» точкой зрения, отрицающей всякие нормы и ценности, и оперирующей эмпиризмом и психологизмом в духе англо-французского эмпиризма XVIII—XIX вв. и на разрушение которого блестящий Гуссерль потратил столько сил, стреляя из пушек по воробьям, низость полета которых и ничтожество объектов («от одной навозной кучи к другой») и без того ясны всем со сколько-нибудь высоким полетом мыслей и широтой горизонтов. Тех же, кто сам принадлежит к «воробьям» (т. е. к «толпе» и «к массе» — к «das Man»³², [нрзб.] и поскольку они принадлежат, «переубедить» невозможно, нет смысла, и они являются уже объектом — не субъектом, — психоанализа).

Безмысленная и бессмысленная «простота» (кот<орая> «хуже воровства»), с которой Дж. Ст. Милл'а «опровергает» силлогистическую априорную дедукцию («большая посылка уже предполагает вывод») «делает ненужной» занятие математикой на том нап<имер>основании, что бином Ньютона уже содержится в теории ансамблей, а последнее уже предполагает бином Ньютона и т. п.

Но вот что самое замечательное. Подобно тому, как невозможно опровергнуть безумие сомнительного идеализма, основанного на непосредственных данных опыта, и,

---

ских) дисциплин описывает частные индивидуальные черты каждой вещи или явления («индивидуализирующий метод») соотнося и сравнивая их при этом с вечными и неизменными ценностями.

³² «das Man» («люди», «люди» или «толпа»), — термин из философии М. Хайдеггера, обозначающий потерю индивидуальности, повседневное «обезличенное» существование индивида в обществе себе подобных (в отличие от «Dasein» — личного и неповторимого «вот-бытия» каждого человека) (М. Хайдеггер. Бытие и время).

следовательно>, строго эмпирического (ср. идеологическую фикцию «статуи Condillac'a»³³) вне **ИНТУИЦИИ ЛЮБВИ** (или «симпатии») — выражение более широкое, менее сконцентрированное и которое предпочитает Макс Шелер³⁴). Подобным же образом нельзя опровергнуть того, что скупость создает богатство, что эгоизм есть основа происхождения видов — не переходя во вневременную сферу **морфологической математики и морфологического вариационизма (вариационного метода)**. Но плодотворность последнего есть то же, что творческая «разработка» в музыке данной темы («своей» или «чужой», но освоенной в качестве «своей»). Но если быть последовательным по Миллю, то творчество в музыке излишне, ибо оно в качестве «вывода» (данной пьесы) уже содержится в большей посылке гаммы.

Кстати сказать, самое монструозное в «чудовишной горе школьной мудрости» — в эмпирической логике Фр. Бэкона и Дж. Ст. Милля то, что, додуманная до конца, [она] превращается в антитворческий и антиматематический, даже антиэмпирический априоризм, исключаящий по-настоя-

³³ «Чувствующая статуя» — парадокс, придуманный французским философом и аббатом Этьеном Бонно де Кондильяком (1715–1780) для опровержения учения Декарта о врожденных идеях. Постепенно надевая мраморную статую в ходе мысленного эксперимента всеми чувствами (вкусом, слухом, зрением и осязанием), Кондильяк демонстрирует, как в результате этого у изначально неодушевленной и неживой вещи формируется самосознание и представление об окружающем ее мире, что и является, по его мнению, опровержением теории «врожденных идей» (Э. Б. Кондильяк. Трактат об ощущениях // Э. Б. Кондильяк. Соч. в 3 т. Т. 2. М., 1982).

³⁴ Макс Шелер (1874–1928) — немецкий философ и социолог, один из основоположников «философской антропологии». Учение о «симпатии» он развивал в своей крупной работе «К феноменологии и теории симпатии и о любви и ненависти» (1913), переработанной и изданной им затем под названием «Сущность и формы симпатии» (1923). Симпатия для Шелера является важной составляющей современного общества, благодаря которой на фоне постоянного научно-технического прогресса в нем сохраняются человеческие отношения и чувства.

шему организованный опыт как в его теории, так и в его практике. Этого не заметили и, конечно, не могли заметить такие удивительные глупцы, как проф. М. М. Троицкий, «уподобившийся» (подобно родственным ему марксистам) «безмятежным богам Эпикура, или, если угодно, стоячей воде» — по выражению Вл. Соловьева³⁵.

Но додуманная до конца силлогистика, идущая от Аристотеля, заключает в себе, как творческий вариационизм дедукций, так и феноменологическую индукцию «от одного факта» и т. п... математическую индукцию от n к $n + 1$.

Сверх того, дедукция и индукция — парно соотносительные понятия, и след<овательно>, одна без другой немислима. Для подтверждения этого положения достаточно указать на 1) уже упомянутую математическую индукцию от n к $n + 1$, а также 2) на то, что всякая индукция может быть сведена к дедукции из одного факта; 3) сюда же относятся и трансфинитное равенство положений, занимаемых движущимся по пространственной траектории телом — и самой этой траектории — без чего известный парадокс Зенона Элейца о летящей стре-

³⁵ «Я познакомился с Троицким, когда единственный порыв его жизни был им пережит, и он уже окончательно уподобился безмятежным богам Эпикура, или, если угодно, стоячей воде» (В. С. Соловьев. Три характеристики: М. М. Троицкий — Н. Я. Грот — П. Д. Юркевич // Вестник Европы. 1900, № 1, С. 321; В. С. Соловьев. Собрание сочинений / Под ред. С. М. Соловьева и Э. Л. Радлова. СПб., 1913. Т. IX. С. 382). Эти слова В. С. Соловьева были адресованы М. М. Троицкому (1835–1899), профессору Московского университета, известному своими симпатиями и интересом к логическим и позитивистским учениям. В 1875 г. после смерти П. Д. Юркевича Троицкий был утвержден на должность профессора кафедры философии Московского университета (до этого он в 1869–1874 годах был профессором Варшавского университета), Соловьев же стал там же приват-доцентом. Но уже в мае 1877 г. Соловьев «из-за профессорской склоки» по собственному желанию ушел с кафедры и переехал жить в Санкт-Петербург. Эту цитату из работы Соловьева «Три характеристики...» В. Н. Ильин также приводит в своей статье «Художественный стиль русских философов и ученых» (В. Н. Ильин. Пожар миров: Избранные статьи из журнала «Возрождение». С. 45).

ле не только неопровержим, но и лишается всякого смысла, из сверхразумного превращаясь в безумный³⁶.

Для того, чтобы проникнуться этой тематикой, *implicit*³⁷ содержащей методологию, до нужных глубин, необходимо принять две стоящие выше всякого доказательства «онтические аксиомы» (выражение это «**онтическая аксиома**» я беру в специальном значении сочетания «*Geltung*» — «значимость» и «*Wert*» — «ценность»³⁸; т. е. относительно — «*θεσει*», и абсолютно, — «*φύσει*»). Эти две «основополагающие» онтические аксиомы следующие:

1. Каждое мгновение — точка времени, кванта его, кванта сознания и его «цереброн» (термин В. П. Крымова³⁹) есть бесконечная «духовная» ценность и стяженная вечность — длительность.

2. Каждая точка — мгновение и момент пространства, кванта его, его же «цереброн» есть бесконечная материальная ценность, стяженная бесконечность — протяженность.

Обе они составляют двуединую «**временно-пространственную кванту**» — **цереброн и след<овательно>minimum сознания** согласно основополагающему элеатско-спинозовскому принципу: «*ordo et connexio rerum idem esta cordo et connexio idearum*»⁴⁰.

Эта двуединая кванта-пара-цереброн есть вместе с тем и **МОНАДА-MINIMUM**.

³⁶ «Летящая стрела» — одна из апорий (парадоксов) Зенона Элейского, доказывающая относительность понятия движения.

³⁷ Предположительно, имплицитно (франц.).

³⁸ *Geltung* («значимость») и *Wert* («ценность») — два ключевых понятия в учении Баденского неокантианства; впервые в связке друг с другом были употреблены представителем «второй волны немецкого идеализма» Р. Г. Лотце (1817–1881).

³⁹ Вероятно, речь идет о Владимире Пименовиче Крымове (1878–1968) — писателе, прозаике, мыслителе русского зарубежья. Истоки термина «цереброн» у Крымова, к сожалению, найти не удалось.

⁴⁰ «Порядок и связь идей тот же, что и порядок и связь вещей» (Б. Спиноза. *Этика* // Б. Спиноза, Избранное. Мн., 1999, С. 389).

А люди не знают как им «убить» время и «что делать» с тем пространством, на котором они находятся. И это есть великое, тайное, поистине «греховное» неведение — ἡ μεγάλη ἄγνοια гностика Василида⁴¹, еретически соблазнившегося этим адом гносеологического скептицизма и онтического нигилизма как отрицательным идеалом.

Нужно не свертывать, а развертывать двуединую временно-пространственную монаду-кванту-цереброн до сверхразмеров актуальной онтичности-бесконечности — реализуя «все» потенции, их всеединство в актуализации бесконечности творческого порыва-усилия. Необходимые для этого энергии-силы дает любовь к вездесущему образу или к единосущему комплексу ведущих образов.

Знание и любовь, т.е. высшие формы гносеологии и онтологии связаны с длением-временем и протяжением-пространством, двуединство которых можно определить в «консистенции», нечто именуется «здесь» — точка-мгновение пространства («hic») и «теперь» — мгновение-«точка времени» («nunc»). Это — двуединство кванты времени-пространства, или, лучше, двуединая временно-пространственная кванта, образующая двуединую духовную (интенсивно) — телесную (экстенсивную) монаду. Она определяется целеположительной энтелехией, энергетическим усилием на-

⁴¹ Василид (греч. Βασίλειδος) — представитель «восточного» или «сирийского» гностицизма, живший предположительно в начале—середине II века н. э. Наиболее полные сведения о его учении сохранились в свидетельствах Иринея Лионского (ок. 130–202 гг.; «Против ересей») и Ипполита Римского (ок. 170–235 гг.; «Философумены»). «Великое неведение» (ἡ μεγάλη ἄγνοια) — завершающая часть эсхатологической концепции Василида, последствие «великого восстановления» тварной природы мира, в результате которого каждая вещь «будет жить согласно своей природе», а страдания и грехи исчезнут (Л. П. Карсавин. Святые Отцы и Учители Церкви. (Раскрытие Православия в их творениях). М., 1994. С. 45; М. Э. Поснов. Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Киев, 1917. С. 363; Св. Иринея Лионский. Против ересей. Доказательство апостольской проповеди / Пер. прот. П. Преображенского, Н. И. Сагарды. СПб., 2010. С. 324).

растающего характера. Этому усилию в механике соответствует преодоление инерции через ускорение, а в биологии — преодоление мгновения длящимся развертыванием сознания.

Эту двуединую длительно-протяженную интенсивно-экстенсивную сущность-монаду лучше всего уподобить нулю («до отказа»), «заключенной» («заведенной») пружины, актуализирующей заложенную в ней потенциальную энергию, определяемую именно разностью потенциалов в данном «месте» (τόπος-locus) энерго-силового поля.

Из этого видно, что механико-экстенсивное развитие энергии из монады есть произведение ее интенсивного «биологического потенциала» наоборот. Механическая экстенсивность есть периферийный момент «hic-nunc» монады, которая, как раньше думали, изнутри «выглядит» как душа, а извне — как тело. На деле же это двуединая сущность, где душевно-духовная интенсивность питает протяженно-пространственную экстенсивность.

В таком виде сущность материи есть «нуль» голой потенции, «темный и трудный вид» (χαλεπὸν καὶ ἀμυδρὸν εἶδος)⁴² аморфности, **форму которой дает духовно-душевное энергогенное и динамическое усилие.**

Энерго-динамическая сущность формы как равновесие лаксатора-тензора превращает ее в носительницу воз-

⁴² Ср.: «Бывание (το γυγνώμενον — в платоновском “Тимее”) есть тот единственный, творческий синтез бытия и небытия, который и выражает собой сущность тварности, всего относительного. Тварность есть прежде всего и по существу своему меон, бытие — небытие, и в этом смысле надо понимать и меональную первоматерию, materia prima, в которой заключена уже вся полнота тварного бытия, засемено все. Но наряду с ним в холоде смерти, как и в палящем вращении “огненного колеса бытия”, ощущается бездна уклона, край бытия, кромешная тьма, смотрящая пустыми своими глазницами. Этот “темный и трудный вид” (χαλεπὸν καὶ ἀμυδρὸν εἶδος), как окрестил мировую первоматерию Платон, подвергнут был им же несравненному анализу в “Тимее” (С. Н. Булгаков. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 231).

можной разности потенциалов, реальное возникновение которой приводит к движению-процессу. Это последнее может быть духовно-душевно-интенсивным и протяженно-пространственно-экстенсивным. Однако точность и строгость **сравнительного метода** требует от нас сравнительного изучения энергогенных структур души и атома в качестве отдельных и завершенных форм-монад, и морфологий устойчивых процессов их образования, в них совершающихся.

Равным образом эта же завершенная строгость сравнительного метода требует сравнительного изучения агрегатов, систем, механизмов, организмов, индивидуализмов, — монад, личностей и соборов, — словом, всего того, где сосуществуют индивидуумы-монады (точка-система) и среда-поле или протяжение-пространство и дление-время, «hic» и «nunc» в их относительно-энергогенных структурах, волевых, совершающих усилие, сознательных моментах в том, что можно назвать сочетанием и сравнительным анализом **непосредственных и посредственных данных сознания и диалектики ВНУТРЕННЕГО (ИНТЕНСИВНОГО) и ВНЕШНЕГО (ЭКСТЕНСИВНОГО) опыта.**

Глава III. Непосредственные и посредственные данные сознания и диалектика внутреннего (интенсивного) и внешнего (экстенсивного) опыта

Знаменитая формула Декарта «я мыслю, значит, я существую» (*cogito ergo sum*) может иметь несколько аспектов, ракурсов и вариаций. Но все же она есть самое сжатое выражение интенсивности или того сознания или путь к этому выражению, а также к выходу из него с целью познания «не-Я» и решения проблемы «чужого сознания» («не-Я») как противостоящего на равных онтологических и гносеологических правах «полу-Я».

«Cogito» Декарта лишено видимости удачи по причине своего строго эссенциального и абстрактно-универсального характера.

Но малейшая попытка населить это «Я» конкретностями непосредственных данных сознаний и сделать его конкретно-универсальным сейчас же натывается на затруднения столь громадные, что они кажутся непреодолимыми. Уже то, что «я есть» и «я существую», что я неподвижен и теку, что я принадлежу истории (в широком смысле) и я нахожусь вне истории, сразу же создает почти антиномический колорит, который противопоставляет неподвижное и замкнутое сферо-символическое образо-бытие элеатов и линейно-временное течение-бывание Гераклита. Итак, каковы могут быть аспекты и вариации опорной и исходной первоаксиомы Декарта (cogito).

Прежде всего его латинская и французская редакции⁴³. Латинская формула исключает «я», она т<аким> о<бразом> минимально лична и одним своим лексическим составом выделяет и подчеркивает акт мысли, отодвигая носителя, субстанцию мысли и давая самой формуле максимально гносеологический и минимально онтологический характер. Затем, так как здесь аксиома самоочевидно отнята от непосредственно-сущего, то ее выводная видимость («ergo») может и должна быть, или во всяком случае должна быть упразднена. Тогда получается гносеологически-онтическая сопряженная пара «мысль-существую», которая в тенденции дезонтологизации и деперсонализации может быть сосредоточена в одном безличном глаголе «se cogitat» (= мыслится).

Может ли эта формула так «застыть» и «стабилизироваться», и возможен или необходим выход из нее?

⁴³ Свой знаменитый принцип «Я мыслю, следовательно, существую» Р. Декарт впервые изложил в своей работе «Рассуждение о методе» (1637), написанной на французском языке (*Je pense, donc je suis*). Латинский вариант этого утверждения (*Ego cogito, ergo sum*) появляется позже, в работе мыслителя «Начала философии» (1644).

Прежде всего, выражение «мыслится» есть идеальное выражение «*nunc*» — «мгновения», имеющего одновременно значение идеальной длительности или того, что можно назвать «идеальной длительностью, заключенной в мгновение», ибо формула «*secogitat*» означает, что здесь все «*nunc*» равны, и одно из них равняется их бесконечному множеству, что есть идеальное выражение трансфинитности и идеальная предпосылка для теории множеств (так же, как мы это дальше увидим, это относится и к протяженному эквиваленту «*nunc*'а» — к «*hic*»). «Мыслится — существуется». Эта сопряженная пара (без «*ego*» и без «*ergo*» это очевидно не соответствует идеальному замыслу формулы) и дает основания для «*nunc* — *hic*» и вместе с тем и для выхода из этого идеально-эссенциального образа, где нет никакого образа, но формула формы для образа есть, ибо «*nunc*» и «*hic*» могут быть наполнены содержанием и в таком виде отвечать уже не на эссенциальный, но на экзистенциальный вопрос: «что — *nunc*?» И «что — *hic*?» О чем идет речь в *nunc* и *hic se cogitat*? А за «что» следует «как» — «каким образом?»

Но все это будет «содержанием» или «предметом» «*se cogitat*» и «мыслью мысли». Таким образом, исходное «*se cogitat*» превращается в самое себя, мыслящую мысль $\nu\omicron\eta\sigma\iota\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \nu\omicron\eta\sigma\epsilon\omega\varsigma$ Аристотеля, и ее содержание очевидно и будет тем, что это мышление именуется $\tau\acute{\iota}\eta\nu$ или $\tau\acute{o}\tau\acute{\iota}\eta\nu$ или $\tau\acute{o}\tau\acute{\iota}\eta\nu\ \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$ ⁴⁴. И получается, элеатский тезис тождества знания и предмета знания в XIX–XX вв. воскресает в неокантианстве Марбургской школы (с несомненными богословскими финальными тенденциями — во всяком случае, у ее члена

⁴⁴ $\nu\omicron\eta\sigma\iota\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \nu\omicron\eta\sigma\epsilon\omega\varsigma$ — в философии Аристотеля «форма всех форм», «мышление мышления», перводвижитель или Божество (ср. *Met.* 12, 9), $\tau\acute{\iota}\ \eta\nu$, $\tau\acute{o}\ \tau\acute{\iota}\ \eta\nu$ — у Аристотеля букв. «то, что было» и «то, что есть»; термины, впоследствии в схоластике эволюционировавшие в понятия «чтойности» и «этовости» (см. выше); $\tau\acute{o}\ \tau\acute{\iota}\ \eta\nu\ \epsilon\acute{\iota}\nu\alpha\iota$, — субстантивированный вопрос: «что есть бытие?»; формулировка четвертой, формальной причины у Аристотеля, одно из разновидностей определения «чтойности», или сути бытия (ср. *Met.* 1, 3).

и основателя Германа Когена⁴⁵). Как сочетать Dasein и so-sein, т. е. экзистенцию и эссенцию, — да и нужно ли это? Т. е. не предполагает ли уже эссенция — экзистенцию и экзистенция — эссенцию, — ибо ничто существует — здесь и теперь с несомненностью. Это и будет онтологическим аргументом, ибо «ничто существует здесь и теперь с несомненностью» — в мире причастия или отношения с самой себя мыслящей мыслью, т. е. Богом. Которого не может не быть, ибо есть сама себя мыслящая мысль, в которой эссенция находится в двуединстве с экзистенцией в любом hic et nunc, а значит «всюду» и «всегда».

---

⁴⁵ Терман Коген (1842–1918) — основатель и лидер Марбургской школы немецкого неокантианства. Будучи евреем по своему происхождению, в юности Коген окончил иудейскую богословскую семинарию, после чего продолжил обучение в университетах Бреслау и Берлина. Философия религии в зрелых трудах Когена по наблюдениям исследователей его творчества являла собой синтез иудаизма, идей Канта и неокантианской этикотеологии.